
Алексей Рудь
Мир П.Л.М.С.
Скелет чужого мира

Мир П.Л.М.С.

Алексей Рудь

Мир П.Л.М.С. Скелет чужого мира

«Автор»
2026

Рудь А. П.

Мир П.Л.М.С. Скелет чужого мира / А. П. Рудь — «Автор», 2026 — (Мир П.Л.М.С.)

Что, если попаданец — не бравый спецназовец, а уставший интроверт-аналитик? Что, если мир паровых машин и шестерен — не просто декорация, а живое, разумное божество-тюрьма? Мирону, затянутому в портал прямо с кухни, предстоит не просто выжить. Ему нужно понять "скелет" этого мира, найти других пропавших землян и сделать невозможный выбор: спасти новый мир, навсегда закрыв себе дорогу домой. История о том, что настоящая сила — не в мышцах, а в способности сохранить человечность и разум, когда сама реальность пытается тебя сломать.

© Рудь А. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кружка со сломанной ручкой 5
Глава 2. Дыхание механического леса 8
Глава 3. Хранитель леса 10
Глава 5. Язык жестов и отношения в парах 14
Глава 6. Котел и песня 16
Глава 7. Договор доверительного управления 18
Глава 8. Призрак в стекле 20
Глава 9. Шепот в трубе 22
Глава 10. Гильдия Искателей 24
Глава 11. Испытание реликвии 26
Глава 12. Собрания и тени прошлого 30
Глава 13. Пепельная дорога 32
Глава 14. Ночевка в низинах 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Алексей Рудь
Мир П.Л.М.С. Скелет чужого мира

Глава 1. Кружка со сломанной ручкой

В квартире царила настолько глубокая тишина, что Мирон слышал, как оседает пыль. Нет, это, конечно, была иллюзия — пыль не издает звука. Но в этой густой, вязкой тишине, которую не мог нарушить даже холодильник, казалось, он слышал каждый процесс: медленное остывание чая в кружке, прилив крови к вискам, тихое гудение собственных мыслей.

Он сидел на кухне. За окном рассвет лениво пытался пробиться сквозь вечную московскую морось, но терпел неудачу, заливая мир серым, невыразительным светом. Ему нравился этот свет. Он не напрягал глаза, не требовал активности.

Семья спала. Его жена Лера и сын Егор. Их сон был почти осязаемым, словно теплое одеяло, покрывающее всю квартиру. Это было единственное тепло, которое он теперь мог ощущать без внутреннего сопротивления. Мирон сделал глоток. Чай уже не был теплым, а просто водянистым. Холодный, терпкий — он вернул его к реальности. Впереди был день. Работа. Люди.

Он не ненавидел людей. Это было бы слишком энергозатратно и, честно говоря, глупо. Он просто устал от них, как от плохой погоды. Он устал от них, потому что каждый разговор, каждое взаимодействие было шахматной партией, где ты знал каждый возможный ход, который сделает твой противник на десять ходов вперед. Ты знал, что твой коллега Петя вот-вот начнет жаловаться на несправедливость в зарплате, хотя он полдня играл в пасьянс. Ты знал, что босс вызовет тебя и заговорит о «новых горизонтах», имея в виду очередное повышение, от которого Мирон снова откажется. Не потому, что он тебя не ценил. Ценил. Просто сама должность, статус, эта игра в карьерный тетрис — все это не имело для него никакого смысла. Смысл был в соседней комнате, где он свернулся калачиком под одеялом с динозаврами.

Последние несколько дней он что-то чувствовал. Странное, фоновое ощущение, похожее на изменение атмосферного давления перед грозой. Неясное, тревожное, но без указания конкретного места. Такое случалось и раньше. Пару раз перед очередным крахом стартапа, в котором он работал. Один раз — за неделю до внезапной отставки директора крупной корпорации. И снова — прямо перед пандемией. Это не было предчувствием в мистическом смысле. Скорее, его мозг, привыкший анализировать тысячи микроканалов, собирал пазл быстрее, чем его сознание могло его обработать. Память всегда складывалась в одну и ту же картину: «Сейчас всё станет плохо».

Но теперь это чувство не было связано с работой. Оно стало сильнее. Оно было повсюду.

Мирон посмотрел на свою кружку. Свою любимую. Глиняную, с толстыми стенками и отколотой ручкой. Лера сто раз угрожала выбросить её, но он не позволял ей этого сделать. Эта трещина, этот след повреждения, делали её настоящей. Единственной. Он не любил идеальные вещи. Они слишком сильно напоминали ему ту самую «машинную» пустоту, которую он так ненавидел в текстах ИИ.

Чтобы отвлечься, он включил новости на своем смартфоне — просто для фонового шума. Заголовки мелькали: очередной политический кризис, прорыв в квантовых вычислениях, скандал с участием нейронной сети, написавшей сценарий сериала, и теперь сценаристы бастуют. Мирон усмехнулся. Ирония заключалась в том, что он, посмотрев тысячи сериалов, уже мог написать сценарий лучше, чем эта нейронная сеть. Просто потому, что он знал «скелет». Он знал, что герой должен страдать, что конец второго акта должен быть самым мрачным момен-

том, и что злодей не может быть просто злым. Нейронная сеть, однако, знала только статистику. Но люди верили ей больше. Это было забавно и немного грустно.

Он удвоил скорость воспроизведения видео, пролистывая ролики. Привычка. Информации было так много, что усваивать ее на стандартной скорости было всё равно что пить воду через ватный тампон. Мозг требовал именно такой скорости. Но даже в ускоренном режиме не было ничего нового. Ни единого «скелета», которого он бы уже не знал.

Майрон вздохнул, поставил кружку в раковину и подошел к окну. Серый рассвет наконец-то победил. Теперь мир был просто серым. Он посмотрел на свое отражение в стекле. Обычный человек. Уставший, но не сломленный. С мешками под глазами от недосыпа и этой странной, осознанной ленью, которая служила ему защитой. Ему было все равно, что он не «успешен» в классическом смысле этого слова. Его ценность измеряется не его положением. Она измерялась тишиной этого утра и звуком дыхания его сына сквозь стену.

И вдруг в этой тишине раздался звук.

Сначала Мирон даже не понял, что это. Он подумал, что это его телефон. Но он молчал. Звук становился громче. Это был не писк и не гудение. Это был... звон. Высокий, чистый, кристально чистый звон, словно тысячи крошечных стеклянных колокольчиков разбивались где-то за пределами слышимости. Он доносился не снаружи. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно. Он вибрировал в его костях, в его зубах.

Мирон не паниковал. Он анализировал ситуацию. Сердце, сердце предателя, забилось быстрее, но разум оставался холодным.

Итак. Звук. Не из дома. Не с улицы. Источник не обнаружим. В голове? Нет. Вокруг. Артериальное давление в норме. Сознание ясное. Инсульта нет.

Он инстинктивно повернулся к комнате, где спала его семья. Что бы это ни было, оно не могло их коснуться. Эта мысль не была страхом, а абсолютным, ледяным фактом.

Воздух перед ним, на фоне серого окна, начал меняться. Не искриться, не дымиться — а действительно меняться, словно само пространство было экраном, на котором кто-то регулировал разрешение и частоту кадров. Реальность начала рябить крошечными, невидимыми волнами, как вода в стакане после далекого взрыва. Рябь расширялась, превращаясь в идеально ровный круг размером с человека. По краям этого круга раздавался тот же кристально чистый звон.

Мирон отступил на шаг назад. Черт. Что это? Его аналитический ум лихорадочно перебирал варианты, отбрасывая один за другим. Галлюцинация? Слишком детально и автономно. Секретная разработка? Маловероятно, не тот уровень доступа. Розыгрыш? Исключено.

Он заметил, что кружка на столе, та, что со сломанной ручкой, тоже вибрировала. Звук резонировал с ней, и казалось, что она реагирует на портал, печально гудя на своей собственной частоте.

Тем временем портал наконец сформировался. Это был не разрыв в другую реальность, а скорее… дверь. Словно кусок ткани вселенной был вырезан, а на его место вставлен другой. Он был плоским, но вел в глубины. Майрон не увидел ни улицы, ни входа. Он увидел лес. Гигантские, нереальные деревья, стволы которых были черными, как антрацит, а листва блестела медью и бронзой. А над этим лесом висели… шестерни. Нет, не механические. Это были облака, похожие на гигантские, медленно вращающиеся зубцы.

Мир пара. Не декорации в стиле стимпанк, а нечто живое, дышащее, технологичное и архаичное одновременно. Мирон понял это мгновенно, с той же уверенностью, с которой он знал основную структуру любого сюжета. Это не фантастика. Это реальность, более реальная, чем серый московский рассвет за окном.

Звон стал почти невыносимым. Теперь добавился новый звук — низкое, ритмичное гудение, похожее на дыхание спящего гигантского зверя или работу планетарной турбины. Появился запах озона и раскаленного металла.

И тут пришла мысль. Не страх. Не паникуй. Мысль.

И это всё? Что я чувствовал? Чего нет в книгах?

Система оценки рисков в его голове работала на полную мощность. Риск: совершенно неизвестен, следовательно, стремится к бесконечности. Цена на кону: его жизнь, его мир, его семья. Но... стоило ли рисковать? Это был шанс. Шанс увидеть то, что ослепляло его последние несколько лет — технологии, опережающие время. Шанс прикоснуться к скелету другого мира.

Он обернулся в последний раз. Туда, где спали его жена и сын. Сердце, то самое, которое он проверял головой, сжалось в тугой, горячий комок. Это была его единственная цель. Единственный скелет его жизни. Сгореть вместе с ним.

Именно поэтому он не мог уйти. Он должен был остаться.

Но портал не задавал вопросов.

Реальность сделала глубокий вдох. И с этим вдохом Мирон, всё ещё стоящий босиком на полу, вывернув мантию наизнанку, почувствовал, как его мягко, но неумолимо тянет вперёд. Это была не сила, как в научно-фантастических фильмах, которая затягивает тебя. Это было скорее похоже на... растворение. Его собственное тело потеряло вес, потеряло связь с полом. Холодный линолеум перестал ощущаться.

«Нет…» — прошептал он, пытаясь ухватиться за воздух, отвлечься от собственных мыслей о доме.

Но воздух больше не служил опорой.

Он увидел, как мир вокруг него рушится. Серый московский свет, запах чая, фотографии на стене, детский рисунок на холодильнике — всё это сжалось в одну точку, а затем исчезло. Вместе со звоном.

На мгновение воцарилась абсолютная, космическая тишина и темнота.

И тут его ноги коснулись твердой, горячей земли.

Глава 2. Дыхание механического леса

Первым делом к нему вернулось обоняние. Запах. Густой, насыщенный, многогранный. Такой, какого Мирон никогда раньше не чувствовал. Это была смесь горячего моторного масла, влажного мха, озона после грозы и чего-то сладковато-пряного, похожего на пропаренную корицу. Воздух был густым, почти осязаемым и очень теплым.

Затем зрение вернулось. Оно было размытым, нечетким. Майрон стоял на четвереньках, прижав ладони к… Что это было? К земле? Нет. Поверхность была гладкой, но не холодной, как камень. Теплая, слегка шероховатая, как огромная чугунная сковорода, которая остывает. И она вибрировала. Он почувствовал вибрацию кончиками пальцев. Низкое, гортанное гудение пронзило его.

Он поднял голову и, медленно преодолев тошноту, сел.

Лес. Тот самый антрацитово-медный лес, который он видел через «дверь». Но теперь это было не плоское изображение, а всеобъемлющая реальность. Черные, блестящие стволы деревьев взмывали на невообразимую высоту. Их кора была не корой в традиционном смысле — она напоминала сложный узор из переплетенных трубок и капилляров, словно что-то несущих. Вместо листьев были тонкие металлические пластины, которые слегка дрожали, издавая тихий, шелестящий звук. Этот звук сливался в единый хор, который и был самим «дыханием» леса.

Над головой, сквозь просветы в металлической листве, виднелось небо. Но это было не его небо. Оно было глубокого янтарного цвета, и по нему, словно по облакам, плыли те самые шестерни. Огромные, медного цвета, некоторые диаметром с футбольное поле, они вращались с величественной, гипнотической медлительностью, цепляясь невидимыми зубьями. Это была небесная механика.

"Черт возьми!" — выдохнул Майрон. Слово вырвалось коротко и резко, словно выстрел. Оно идеально описывало ситуацию. Никакого сочувствия, никакого анализа. Сначала — чистое, животное удивление. Удивление человека, который думал, что знает все скелеты в шкафу, но увидел нечто, чего нет даже в его каталоге.

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул.*Хорошо. Стоп. Что у нас есть?*Этот вопрос вернул ему контроль над ситуацией. Анализ был его броней. Он начал методично, словно на работе, собирать факты.

Первый пункт: я жив, я в сознании, я цел. Физически невредим. Моё сознание ясно, моя личность не тронута. Я — это я. Воспоминания о Лере, о Егоре, о Москве, о 600 просмотренных мною сериалах, о 4000 прослушанных мною книгах — всё это здесь. Это хорошо. Это чертовски хорошо.

Пункт второй: Одежда. Халат наизнанку, старые спортивные штаны, футболка. Босиком. Снаряжение для выживания в неизвестной среде практически отсутствует.

Третий пункт: Окружающая среда враждебна. Не враждебна, но совершенно чужда. Климат: жаркий и влажный. Состав воздуха неизвестен, но пригоден для дыхания. Гравитация: субъективна, как на Земле. Источники пищи и воды: не обнаружены. Потенциальные угрозы: неограниченны.

Четвертый пункт, самый важный: пути назад не было. Точка, из которой он вышел, исчезла. Он проверил. Просто пустое пространство между двумя черными стволами деревьев. Никакого остаточного звона, никакого свечения. Только лес.

Мирон снова открыл глаза. На этот раз он смотрел не с изумлением, а с холодным, пронзительным вниманием аналитика. Лес перестал быть чудом. Он стал задачей.

Он встал. Земля, покрытая странным мхом, похожим на тонкую медную проволоку, была горячей, но не обжигающей. Ходить босиком было неприятно, но терпимо. Он осмотрел себя.

Надо признать, это было довольно забавно. Человек, начитанный обо всем на свете и о тактике выживания, стоял посреди неизвестного мира в халате. Вся его «подготовка» теперь стоила не больше, чем эта щербатая ручка кружки.

Он подумал о ней, и сердце у него сжалось. Не от чая, не от кухни. Не от ручки. Не от трещины, которая делала эту вещь реальной. Эта мысль, странным, но логичным образом, придала ему сил. Мирон Вешняк, может, и не супергерой, но он чертовски реален. Со своими причудами, своей ленью и своей неизмеримой, изнуряющей усталостью от людей.

Вокруг не было ни души. Совсем никого. Только он и этот гигантский, словно дышащий металлом лес. И в этой абсолютной, космической изоляции он вдруг почувствовал не страх, а странное, забытое чувство. Мир. Искренность интереса.

Вот и всё.— подумал он.*Никаких книг, никаких карт, никакого ИИ. Только вы, ваша голова и этот новый скелет. Посмотрим, как это будет работать.*

Он глубоко вдохнул горячий, пропитанный озоном и нефтью воздух и сделал первый шаг в душный лес. Не в поисках спасения, а в поисках чего-то, чего он не встречал ни в одной из своих бесчисленных книг. В поисках чего-то нового.

Глава 3. Хранитель леса

Сорок три шага. Майрон считал. Это помогало держать сознание под контролем, не давая ему впасть в панику или бездумное восхищение. Сорок три шага по раскаленной, гудящей земле, босиком. Его тело уже начало адаптироваться, перегруппировываться. Плечи слегка ссутулились, взгляд сканировал пространство сектор за сектором, без резких движений. Он не был солдатом спецназа, но он был наблюдателем. А наблюдатель в незнакомой среде — это тоже хищник, только другого рода.

Он заметил закономерность. Звук «листьев» менялся. Сначала это был просто белый шум, но теперь он мог различать модуляции. Тихий, успокаивающий звон сменялся резким, почти пугающим дребезжанием при порыве ветра. Но он не чувствовал ветра. Воздух был неподвижен. Деревья реагировали на что-то другое.

Информационный шум?— Вдруг мелькнула мысль.*Или система раннего предупреждения?*

Он остановился у одного из черных стволов. Дерево было огромным, три метра в окружности. Майрон протянул руку и коснулся его поверхности. Она была теплой и гладкой, как отполированный агат. Капиллярные трубки под ним пульсировали с точным, механическим ритмом. Тук-тук. Тук-тук. Не как сердце, а как поршень. Он провел пальцами по ней, ища неровности, сучки, что-нибудь, напоминающее обычную древесину. Ничего. Только совершенная, рукотворная гладкость, созданная без вмешательства человека. Или какого-либо другого создателя.

Внезапно ритм изменился. Тук-тук-ТУК. Сбой. Шелест листьев над головой усилился. Майрон инстинктивно отдернул руку и сделал шаг назад. Что-то изменилось в окружающем гуле. Лес насторожился.

Он замер. Главное правило при столкновении с неизвестной системой — не совершать резких движений. Анализируйте.

Звук доносился отовсюду. Но один источник был ближе. Ритмичный шорох. Металлический скрежет. Он приближался из-за толстого ствола дерева, слева. Майрон медленно, не поворачивая головы, взглянул в сторону. Сердце бешено колотилось в груди, но дыхание оставалось ровным.

Существо вышло на открытое место.

Это было не чудовище. И не человек. Это была... машина. Размером с большую собаку, она передвигалась на четырех сочлененных, поршне образных конечностях, заканчивающихся широкими опорными дисками. Ее тело напоминало раковину какого-то доисторического моллюска, но было собрано из многочисленных медных и латунных пластин, скрепленных заклепками и пайкой. Между пластинами проникал мягкий пульсирующий свет — не электрический, а скорее тепловой, оранжевый. У существа не было видимой головы, только массивный «фасад» с одним большим оптическим элементом — линзой глубокого фиолетового цвета. Линза вращалась, сканируя местность и издавая тихое жужжание.

Майрон не дышал. Он смотрел.

Машина остановилась. Ее объектив сфокусировался прямо на Мироне. Жужжание немного усилилось, приобретя вопросительный оттенок. Машина и человек посмотрели друг на друга. Пауза длилась целую вечность, сжатую в пять секунд.

В голове Майрона промелькнули тысячи вариантов. Хищник? Падальщик? Система безопасности? Мобильный датчик? Его внешний вид не говорил об агрессии. Корпус — защита. Никаких клыков, никакого очевидного оружия. Линза — наблюдатель. Звук работы — ровный, без перегрузки.

«Вы… охранник?» — тихо спросил Майрон, почти губами. Вопрос был глупым, но звук его собственного голоса в этой тишине придал ему уверенности.

В ответ «охранник» издал серию щелчков, похожих на запрос старого модема. Затем, без предупреждения, он повернулся и неторопливо и деловито удалился, исчезнув в зарослях медного мха.

Первая встреча с животным закончилась. Не нападением, а наблюдением. Вывод: его заметили как аномалию и классифицировали. Пока что как безобидного.

Мирон выдохнул. Холодный пот выступил на его лбу, мгновенно липнув от жары. Он не заметил, как сильно напрягся, и у него заболели плечи. Он заставил себя расслабиться. Опасность заключалась не в физическом воздействии, понял он. Опасность была в чем-то другом — в неопределенности, которая сводила его с ума. Если он поддастся страху перед каждым железным псом, то умирает от нервного истощения быстрее, чем от жажды.

Ему нужно найти воду. И еду. И кров. Основные потребности. Они возвращают его к реальности, какой бы чуждой она ни была.

Логика подсказывала ему искать самую низкую точку. Вода течет вниз. В любом мире, где есть гравитация и атмосфера, вода течет вниз. Это аксиома. Он огляделся. Местность вокруг была на удивление плоской, без каких-либо явных холмов и оврагов. Но вибрация под ногами — это был его компас. Низкий, гортанный гул доносился откуда-то справа, из густого леса. Это был источник энергии. А энергия в таком мире неизбежно связана с трансформацией материи. Возможно, даже воды.

Он пошёл на звук. Босые ноги уже болели, но он старался ступать осторожно, перекатываясь с пятки на носок. Его мантия зацепилась за кусты, похожие на витки колючей медной проволоки, и он несколько раз тихо выругался сквозь зубы. «Чёрт возьми, небесная механика», — пробормотал он, наблюдая, как над головой парит еще одна колоссальная шестерня.

Спустя полчаса пути лес начал редеть. Деревья стали реже, но еще массивнее. На их черных стволах теперь красовались странные наросты — большие, сферические, похожие на опухоли образования, из которых капала какая-то густая жидкость янтарного цвета. Смола? Продукт метаболизма? Надо взять образец. Позже.

Наконец он добрался до источника шума. И замер, забыв о боли в ногах, жажде и усталости.

Перед ним расщелина. Не овраг, а трещина в земной коре, залитая тусклым оранжевым светом. И из этой трещины вырос Корень. Нет, не так. КОРЕНЬ ВЫРОС. Это была структура размером с небольшую гору, простирающаяся из глубины трещины в небо. Она напоминала переплетение обнаженных мышц и артерий из титана, но сделанная из металла, керамики и чего-то, похожего на живое, дышащее стекло. Волны энергии пробегали по ее поверхности. Поршни, каждый размером с дизельный локомотив, двигались в своем собственном ритме. Клапаны шипели, выпуская клубы пара, пахнущего не водой, а чем-то химическим, едким, но в то же время сладким.

А вокруг этих вентилей, на уступах разлома, росла зелень. Настоящая, хлорофилло-зеленая! Трава, кустарники, даже маленькие деревья, совсем не похожие на черных гигантов. Жизнь. Биосфера, приспособленная к этому пару и теплу.

И в самом центре этой фантасмагории, прямо из переплетения труб, вырвался мощный, пульсирующий фонтан.

Вода.

Глава 4. Цена глотка

Жажда, которую Мирону до этого момента удавалось подавлять, анализируя «скелет» леса, вернулась с новой силой. Вид воды сделал то, чего не смог сделать случай с механическим стражем — он пробудил в нем животные инстинкты. Губы пересохли, язык стал как наждачная бумага. Он должен был добраться до источника. Он должен был напиться.

Спуск в расщелину был крутым, но не отвесным. На склоне, покрытом той же зеленой травой, виднелась какая-то пологая тропинка. Была ли она естественной или вырублена местной дикой природой — не имело значения. Важно было то, что она вела вниз.

Майрон начал спуск. Здесь, у Корня, жара была почти невыносимой. Пар обжигал легкие, и низкое гудение вибрации, казалось, пронизывало каждую клетку его тела. Он почувствовал, как его собственное сердце начало биться в ритме с этими гигантскими подземными поршнями. Это был неприятный, натянутый ритм, от которого ему хотелось бежать.

«Не пытайся вписаться», — прошептал он себе. «Ты отдельный. Ты — Майрон. Ты из другого мира».

Мантра не сработала. Спуск занял около двадцати минут. Его ноги, непривычные к каменистой земле, скользили. Пару раз он спотыкался, хватаясь за пучки травы, края которых оказались острыми как бритва. На ладонях появилась кровь. Он поднес руку к лицу, осматривая порез. Кровь была красной. Земной. Это было странно утешительно. Его биология здесь все еще функционировала по старым правилам.

Когда он наконец достиг дна расщелины, перед ним открылась большая ровная площадка, залитая теплым оранжевым светом. Здесь, у самого подножия «Корня», находился не просто фонтан. Это была сложная гидравлическая система. Вода, хлынувшая из центрального сопла, падала в ряд каскадных бассейнов, выложенных тем же гладким черным камнем. От каждого бассейна отходила тонкая сеть каналов, питающих оазис зелени.

А вокруг первого, самого большого бассейна сидели люди.

Мирон замер за скалистым выступом, прежде чем кто-либо его заметил. Сердце бешено колотилось. Люди! Это была его первая рациональная мысль. И тут же за ней последовала вторая, холодная, аналитическая:*Чужаки. Вы не знаете их правил. Вы — голый, босоногий инопланетянин в мантии. Наблюдайте.*

Их было пятеро. Они были одеты в простую, функциональную одежду из плотной, грубой ткани серых и коричневых оттенков, усиленную кожаными вставками на плечах и предплечьях. Никаких цилиндров в стиле стимпанк или биноклей, только практичность. У троих за спиной было оружие — что-то среднее между короткими копьями и винтовками, с явными элементами паровой механики. Они сидели у воды, но не пили. Один из них, мужчина с короткой седой бородой и властным видом в жестах, держал инструмент, похожий на толстый шприц с датчиком. Он опускал его в воду, контролировал показания и сверялся с аналоговой медной табличкой.

Сбор образцов. Анализ. Майрон понял это мгновенно. Они не просто пили. Они проверяли воду.

Он взглянул на воду, перетекающую из верхнего бассейна в нижний. Она была кристально чистой. И она была мертвой. Не в физическом смысле, а в биологическом. Несмотря на всю пышную зелень вокруг, в каналах не было мха или насекомых. Стерильная. А тот человек со шприцем... он проверял воду не на чистоту, а на пригодность. А это означало, что вода здесь могла быть опасной. Очень опасной.

Тем временем жажда сводила его с ума. Майрон сглотнул вязкую слюну. Он оказался на виду, как только вынырнул из-за скалы. Других вариантов не было. Он должен был вступить в контакт. Его тело, его потребности теперь перевешивали любой анализ рисков. Риск стоил свечи. Жизнь — это вода.

Он вышел на открытое место. Медленно, вытянув ладони, чтобы показать, что он безоружен. Группа у бассейна мгновенно заметила его. Разговоры затихли. Трое вооруженных мужчин вскочили на ноги, направив на него оружие. Их движения были размеренными, профессиональными. Не бандиты. Скорее солдаты и охранники.

«Стоп», — спокойным и тихим голосом произнес седовласый мужчина. Он говорил на языке, незнакомом Мирону, но смысл этого слова, подчеркнутый жестом, был понятен и без перевода.

Майрон остановился. Он посмотрел на них. Спокойно. Без возражений и мольб. Он просто наблюдал, анализируя их, пока они анализировали его. Интроверт, попавший под прицел враждебной группы. Его худший кошмар. Но отступать было некуда.

«Вода», — сказал он по-русски. Медленно, указывая сначала на фонтан, затем на свои губы. «Мне нужна вода. Пожалуйста».

Седовласый мужчина нахмурился. Он не понимал слов, но понимал жест — универсальный код любого живого существа. Он взял свой шприцевой анализатор и потряс его, обнажив какие-то весы с красной зоной.

«Вир», — он указал пальцем на красную зону. Затем он указал на воду в центральном бассейне. «Вир. Леталис».

Последнее слово не нуждалось в переводе. Смертельно опасно.

Мужчина вытащил из-за пояса небольшую металлическую флягу. Затем он подошел не к центральному фонтану, а к небольшому боковому каналу, где росли особенно густые кусты с мелкими черными ягодами. Он набрал немного воды, слегка мутной, но текущей от корней растений, и передал ее Майрону.

«Вот. Живая вода. Пейте», — сказал он.

Майрон взял флягу. Металл был теплым. Он посмотрел в глаза седовласому мужчине. В них не было никакой угрозы. Только спокойное, оценивающее любопытство. Риск. Майрон не любил риск, потому что знал все его последствия. Но последствия отказа были ясны и неизбежны. Он умрет от жажды. Он проанализировал: если бы эти люди хотели убить его, они бы уже сделали это. Отравление было бы бессмысленной тратой ресурсов. Они изучали его. Точно так же, как он изучал лесничего.

Он принял решение. Он проверил его сердцем: страха не было, только воля к жизни. Он проверил его разумом: логично и неизбежно.

Он поднес фляжку к губам и сделал глоток. Вода была прохладной, с легким металлическим привкусом и сладковатым послевкусием тех самых ягод. Она струилась по горлу, возвращая жизнь каждой клетке его тела.

Седовласый мужчина одобрительно кивнул. Майрон вернул фляжку.

«Спасибо», — сказал он.

Седовласый мужчина ухмыльнулся, уткнувшись лицом в бороду, и, кивнув в сторону фляжки, повторил:

«Аква витэ». Затем он указал на себя. «Ярий. Торговый дом Турбина. А кто ты, босоногий призрак?»

На этот вопрос Майрон не мог ответить. Ни на их языке. Ни на своём собственном.

Глава 5. Язык жестов и отношения в парах

Ярий ждал ответа. Его вопрос, заданный на незнакомом языке, повис в густом, душном воздухе. Седовласый мужчина смотрел на Майрона без враждебности, но с настойчивым, профессиональным вниманием, как механик смотрит на новый, невиданный ранее механизм. Его трое вооруженных товарищей не опускали свои винтовки с парашютами, но и не целились прямо. Они держали его под контролем.

Мирон молчал. Не из-за страха или упрямства. Он анализировал. Вся его эмпатия, вся его способность понимать людей, теперь были на пределе. Язык тела, интонация, микровыражения — это был его единственный словарный запас. Слова «Торговый дом Турбин» звучали как титул, знак принадлежности. Это были не бандиты. Это была корпоративная структура. У них была иерархия и, что более важно, цель. А если была цель, то можно было понять их мотивы.

«Мирон», — наконец произнес он, положив ладонь на грудь. Этот жест был интуитивным и, казалось, универсальным. «Ми-рон».

«Мирон», — медленно повторил Ярий, прислушиваясь к звуку. Он кивнул, принимая информацию. Затем он указал на воду, из которой только что пил Мирон, на окружающие растения, на сам фонтан. «Аргос». Он обвел взглядом окрестности. «Мундус. Аргос».

Мир называется Аргос. Или это название планеты? Континента? Слово, обозначающее «землю»? Майрон мысленно отметил это. Контекст подскажет ему позже. Сейчас же было важно другое — установить протокол связи. Он указал на свои глаза, затем на Ярия, затем на свои уши, затем на свои губы.

«Я вас не понимаю», — сказал он по-русски, стараясь вложить в интонацию как можно больше смысла. «Но я хочу понять. Давайте выучим слова».

Ярий, судя по блеску в его глазах, понял суть. Он усмехнулся, обнажив зубы, пожелтевшие от местного табака или пара, и повернулся к своим людям, бросив им короткое замечание. Они немного расслабились, хотя и не убрали оружие. Один из них, молодой человек с нервным выражением лица, достал из рюкзака еду — полоску вяленого мяса — и с явным облегчением откусил кусочек. Кризис миновал.

Ярей подошёл ближе. От него пахло машинным маслом, кожей и чем-то похожим на сушеные травы. Он сел на плоский черный камень у края бассейна и жестом пригласил Мирона сесть рядом с ним. Урок начался.

Это был странный, почти сюрреалистический диалог. Ярий указывал на предмет и называл слово. Мирон повторял его. Затем он указывал на другой предмет. Сначала это были простые существительные: aqua (вода), ignis (огонь, как оказалось — он указал на горелку одной из паровых пушек), ferrum (металл, указывая на ствол дерева), herba (трава). Язык был незнакомым, но его структура, его «скелет», как сказал бы Мирон, была на удивление логичной. Никакой лишней грамматики, только корни и ударные слоги. Язык техников, инженеров, людей дела.

После часа такой лингвистической игры в пинг-понг Мирон уже знал около тридцати слов и, что более важно, начал улавливать ритм речи. Ярослав тоже не терял времени. Он запомнил русские слова, которые дал ему Мирон: «вода», «дерево», «человек». Два аналитика наслаждались процессом расшифровки.

«Ты…» — Яри прервал поток существительных и перешёл к более сложным понятиям. Он указал на мятую, грязную одежду Мирона, его босые ноги, свежие срезы травы. «Unde venis? Откуда?» Он указал на землю у ног Мирона, затем махнул рукой вдаль, в густые заросли леса. «Non est hic natus. Ты не родился здесь».

Это был не вопрос. Это было констатирование факта. Мирон не лгал. Лгать на том этапе, когда у тебя словарный запас годовалого ребенка, глупо и бессмысленно. Он просто кивнул. А затем, следуя своему правилу — не паниковать, а анализировать варианты — он добавил слово, которое только что выучил.

— Другой. Другой. Другой... мир. Другой мир.

Он произнес это и удивился, насколько спокойно это прозвучало. Выражение лица Ярия не изменилось. Он не вздрогнул, не засмеялся, не назвал его сумасшедшим. Он просто посмотрел на Мирона долгим, проницательным взглядом. Затем медленно кивнул, словно подтверждая свою давнюю гипотезу.

«Цимус», — тихо сказал он. — «Мы знаем». Яри вытащил из кармана куртки небольшой предмет и передал его Мирону. Это был тонкий металлический браслет, очень старый, поцарапанный, сделанный не из меди или латуни, а из тусклого серого металла, на котором гравировка была едва различима. Русская гравюра. «С.А. Казаков. Экспедиция «Надежда». 2147».

Майрон затаил дыхание. Он уставился на цифры. 2147. Это будущее? Его будущее? Или это будущее этого мира? Параллели? Временные петли? Гравюра была выцветшей, но четкой, не самодельной, а фабричной. Сомнений не было. Он не первый здесь. И такие, как он, были и раньше. Давным-давно.

«Казаков», — прошептал Мирон, проводя пальцами по буквам. — «Сто лет? Двести?»

Яри положил браслет обратно в карман. Его взгляд стал серьезным.

«Мы торговцы, Мирон. Мы ищем… реликвии. Остатки. Знания. Таких, как ты». Он встал, давая понять, что урок на сегодня окончен. «Ты пойдешь с нами. Ad urbem. В город. Там безопасно. Ответы там. Ты ценен», — сказал он последнее слово без угрозы, скорее как оценку ценного актива. «Non solus. Не один».

Мирон встал. Ноги болели, тело требовало отдыха, но голова работала с той ясностью, которой он давно не испытывал. Его интровертная натура сжалась при мысли о том, чтобы войти в город, полный людей. Но его аналитический ум жаждал данных. Ответов. Ярий предлагал ответы. И путь к ним лежал через общество. На этот раз игра действительно стоила свеч.

«Иду», — ответил он, глядя Юрию в глаза.

Ярослав одобрительно хлопнул его по плечу своей тяжелой, мозолистой ладонью и, повернувшись, начал отдавать приказы группе. Механический лес вокруг него продолжал дышать и гудеть, но теперь звук был менее чуждым. В нем появился ритм. Ритм, который куда-то вел. И Мирон, босой, в халате, но с новым словом «Казаков» на губах, последовал за ними.

Глава 6. Котел и песня

Это был долгий путь. Группа Ариуса двигалась по лесу не как испуганные путники, а как опытные механики в мастерской, которую они знали вдоль и поперек. Они обходили определённые деревья, сверяли показания медных приборов на своих поясах и однажды заставили всю группу остановиться на десять минут, пока где-то вдали, сквозь завесу пара, не прошёл кто-то крупный. Мирон не видел этого «кого-то», но чувствовал его. Тяжёлый, давящий шаг заставлял вибрировать не только землю, но и воздух. Стражники напряглись, а молодой человек, которого Ярий называл Корвусом, даже тихо выругался сквозь зубы, поглаживая ствол винтовки.

Мирону дали обувь. Это был первый акт милосердия и прагматизма. Корвус порылся в общем рюкзаке и бросил ему пару грубых, толстых кожаных сандалий с деревянной подошвой, на размер больше. Но даже они показались Мирону настоящим спасением после нескольких часов ходьбы по горячей, твердой земле. Он молча кивнул в знак благодарности. Корвус просто пожал плечами и отвернулся.

Лес постепенно менялся. Черные, антрацитовые стволы деревьев уступили место скалистым выступам, и тропа начала подниматься. Дышать стало легче — они выходили из влажных, душных низин. Рев Корня остался позади, но на его место пришел другой звук — постоянный, далекий рев, словно результат работы тысячи кузниц, смешивающийся с шумом прибоя. Город. Они приближались к городу.

К вечеру — Мирон определил время по изменению цвета неба с янтарного на более темный, бронзовый оттенок — они достигли перевала. И он его увидел.

Внизу, в огромной кальдере древнего вулкана, раскинулся город. Он не был разрозненным и хаотичным, как средневековые поселения на Земле. Он был спроектирован. Ярусами и террасами он спускался к самому центру, где циклопический столб пара и дыма поднимался из кратера в небо, освещенный снизу оранжевым пульсирующим свечением. Центральный генератор. Сердце города. Вокруг него, словно соты, возвышались здания из черного камня и металла, соединенные системой мостов, трубопроводов и вращающихся шестеренок, гораздо меньших, чем те, что находятся в небе, но все же огромных. Это был живой, дышащий механизм, интегрированный в тело планеты. Терраморф. Так он называл его про себя. Город, который стал единым целым с вулканом.

«Спекта, Ми-рон, — сказал Яри с оттенком гордости в голосе. — Сигнум. Это наш Дом».

Они начали спуск. По мере приближения шум становился громче и сложнее. К гулу генератора добавились железнодорожные гудки, лязг металла и крики людей. Воздух наполнился запахами: жареного мяса, угольного дыма, едких химикатов и чего-то острого.

Городские ворота, встроенные в массивную каменную стену, напоминали проход. Стражники в униформе с металлическими уплотнителями тщательно, но быстро проверяли документы Ярия — ту же самую аналоговую медную табличку с печатями. Они подозрительно посмотрели на Мирона, но Ярий произнес несколько коротких, многозначительных фраз, из которых Мирон расслышал только «перегринус» (иностранец) и «меркатор» (купец). Стражник кивнул и пропустил их.

Внутри здания улицы представляли собой лабиринт. Паровые трубы отопления и водопровода проходили прямо вдоль фасадов, а некоторые переулки были настолько узкими, что приходилось идти друг за другом. Но самое сильное впечатление произвела еда. Ярий повел свою группу на небольшую открытую площадь, расположенную у подножия огромного водяного колеса. Там находилось нечто, напоминающее уличный рынок или фуд-корт. Рабочие в промасленных комбинезонах, охранники на перерыве и несколько торговцев сидели за гру-

быми деревянными столами. Еду готовили прямо там: на больших металлических листах, нагревая, судя по расстановке мебели, паром, подаваемым по трубам прямо из-под земли.

Их группа заняла места за столом. Перед Майроном поставили глубокую глиняную миску с тушеным мясом и корнеплодами, приправленными той же самой пряностью, похожей на корицу. У него также была кружка темного, почти черного, горячего напитка, отдаленно напоминающего цикорий и ром.

И тут Мирон понял, что сделал не так. Он взял чашу и отпил из неё, как привык дома. Шум голосов вокруг на мгновение стих. Он поднял глаза. Корвус ухмылялся, двое других охранников обменялись недоуменными взглядами. Ярий смотрел на него спокойно, с ожиданием.

"Не... правильно? Неправильно?" — спросил Майрон, ставя миску на стол.

Яри молча взял лежащую рядом с тарелкой странную ложку-вилку, отломил кусочек хлеба, зачерпнул немного тушеного мяса и отправил его в рот. Жест был плавным, отработанным. Сначала твердая пища с хлебом, затем жидкость. И никогда не пить прямо из миски.

Мирон кивнул. Урок номер два: местный этикет. — повторил он вслед за Юрием. — Рагу было обжигающе горячим. Напиток был горьковатым и бодрящим.

Пока они ели, площадь начала заполняться совершенно другими людьми. Рабочие разошлись, уступая место тем, кто пришел не за едой. В центре, на небольшой платформе, появился мужчина с инструментом, похожим на гитару, но с дополнительным, резонирующим медным трубным инструментом. Он сел на перевернутый ящик и начал играть.

Это была странная, ритмичная музыка. Не мелодия в земном смысле, а скорее сложный ритмический рисунок, переплетенный со звуками города: гул генератора, шипение пара, грохот поршней. Человек настраивал струны, и медный рог издавал вибрирующий, певучий звук, улавливая уличный шум. Музыка была безмолвной, как и подобает миру, где язык, кажется, ценит функциональность превыше всего.

Толпа затихла, прислушиваясь. И Майрон, глядя на этих людей, усталых и суровых, но нашедших мгновение покоя в ритме их города, вдруг вспомнил фразу из своей прошлой жизни: «У всего есть скелет». Эта музыка была скелетом самого Аргоса. Его пульс, его дыхание. И впервые за долгое время ему не было скучно. Ему не хотелось переключаться на двойную скорость. Это была та технология, которая опережала своё время. Не паровая пушка, а способность слышать музыку в грохоте поршней.

Он допил свой горький напиток и посмотрел на Яри, который сидел с закрытыми глазами, слегка покачивая головой в такт музыке.

«Мы — торговцы, — вспоминал Майрон его слова. — Мы — купцы».

Возможно, и он станет торговцем. Не вещами, а смыслами. Скелетами миров.

Глава 7. Договор доверительного управления

Ночь в Терраморфе не была тихой. Город не заснул; его ритм изменился. Гудение Центрального генератора снизилось на полтона, уличные фонари — масляные лампы и пульсирующие люминесцентные лампы — приглушаются, но не погасли. Город, словно огромное чудовище, дремал с открытыми глазами. Майрон лежал на жестком матрасе в маленькой комнате, которую выделил ему Ярий на своем складе, и прислушивался к этому ритму. Спать было некогда.

Он думал о Лере. О Егоре. Мысль о них не причиняла боли, а была постоянной. Как гравитация. Она просто существовала и определяла каждый его шаг. Он не знал как, но он вернется. Это был не вопрос веры. Это была точка в его внутреннем плане, сейчас пустая, но которую он обязательно заполнить. Обязательно.

На данный момент этот план требует действий здесь и сейчас. Он был иностранцем без документов, без денег, без понимания правил игры. Его единственными преимуществами были странный интерес Ариуса к нему и его собственный интеллект. Пришло время использовать эти преимущества.

Утром, когда янтарное небо вновь озарило город неестественно теплым светом, за ним пришел Корвус. Молодой стражник уже не выглядел таким нервным, как в лесу. В городе он был на своей территории.

«Звонит Ярий. До переговоров. Переходите к делу», — сказал он, кивнув в сторону двери.

Мирон встал, плеснул себе на лицо водой из жестяного таза — вода все еще пахла металлом, но была чистой — и последовал за ним. Вчерашняя одежда, халат поверх штанов, больше не казалась ему постыдной. Это был его флаг. Его происхождение. Сбросить его и носить местную одежду означало бы преждевременно замаскироваться. А ему не нравилось играть роли, в которых он не разбирался.

Склад Торгового дома Турбина представлял собой трехэтажное каменное здание, прилепившееся к одной из гигантских опорных колонн, поддерживающих верхний ярус города. Внутри царил запах дерева, сушеных трав, металлической стружки и пара. Помещение было заполнено ящиками с маркировкой, которую Майрон еще не понимал. Это был не магазин, а склад — перевалочный пункт для чего-то важного.

Ярослав ждал их в своем кабинете — небольшой, функциональной комнате, единственным украшением которой была голографическая (или псевдоголографическая — проецируемая на струи пара?) карта местности, висящая над массивным металлическим столом. Сам Ярослав сидел в кресле, больше напоминающем пилотское, с многочисленными рычагами регулировки.

«Ми-рон», — начал он без предисловия, когда Корвус закрыл дверь и остановился снаружи. «Вы видели Сигнум. Вы ели нашу еду. Вы слышали нашу музыку. Теперь пришло время решить, кто вы здесь. Паразит? Губка? Или Социс? Партнер?»

Мирон сел на предложенный стул без спинки. Ему нравилось слово «партнер». Оно подразумевало равенство. Но он знал ценность слов. Важно было то, что они означали.

"Что мне делать, Ярий?" — спросил он, тщательно произнося слова на смеси русского и ломаного аргонианского, который ему уже удалось освоить.

Яри улыбнулся, но взгляд его оставался серьезным. Он подвинул к Мирону медную табличку. На ней были выгравированы не слова, а схемы. Технические чертежи. Мирон мгновенно узнал почерк. Это были чертежи браслета Казакова. Но более подробные, с пометками на полях, с вопросами. Кто-то пытался их воспроизвести.

«Реликвии, — сказал Ярий. — Наследие таких, как ты. Alium homines. Мы находим их вещи. Иногда — их самих. И мы пытаемся понять. Arma. Медицина. Энергия. Твой мир... он другой. Его знание — сила. Ты поможешь нам разобрать реликвии. Найти ошибки. Понять. И мы дадим тебе домум, защиту и... путь. Мы знаем места, где могут находиться ответы на вопрос о твоем возвращении».

Майрон изучал чертежи. Это была хитрая, многоступенчатая сделка. Ярий не просил его напрямую раскрывать секреты своего мира. Он попросил его стать консультантом. Аналитиком чужих ошибок. Это было то, что Майрон умел лучше всего. Он чувствовал структуру любой системы, а значит, мог видеть, где инженеры «Аргоса» допустили ошибки при воспроизведении земных технологий. Это не было предательством его мира. Это был обмен.

Но Мирон подметил и кое-что ещё. Ярий говорил о «людях, подобных вам», во множественном числе. «Иногда — о самих себе». Означало ли это, что Казаков или кто-то ещё из его экспедиции мог выжить? Или что это было не первое открытие порталов?

«Я помогу, — сказал Майрон. — Но у меня есть условия, Ярий. Первое: я не разбираю оружие. Второе: информация. Всё, что есть, о моем мире и о том, как я сюда попал. Третье: никакой огласки. Я не хочу быть пророком или подопытным».

Ярий выслушал его, не перебивая. Когда Мирон закончил, он несколько секунд молчал, обдумывая услышанное и, по-видимому, оценивая твердость его тона.

"Arma non? Bene. Необязательно. Остальное... приемлемо." Он протянул руку. Это был не местный жест; он явно научился ему у Мирона. Или у Казакова. Рукопожатие.

Мирон потряс его. Ладонь Юрия была сухой, горячей и твердой, как металл, которым он торговал.

«Контракт подписан», — сказал Юрий, убирая руку. «А теперь перейдём к делу. Я покажу вам кое-что, что уже двадцать циклов не даёт покоя нашим инженерам».

Он встал и подошел к массивному сейфу в стене, набрав сложную комбинацию вращающихся циферблатов. Сейф открылся с тихим шипением пара. Внутри, на бархатной подушечке, лежал не браслет. Это был небольшой черный прямоугольник с тусклым экраном. Земной смартфон. Сломанный, с диагональной трещиной, но всё же чудо в этом мире шестерёнок и поршней.

Сердце Майрона сжалось. Это было что-то из его времени. Из его реальности. Более земное, чем браслет Казакова из далекого 2147 года. Возможно, кто-то прибыл сюда совсем недавно. Или давным-давно, но его телефон все еще хранил свои секреты.

«Мы не можем его открыть, — сказал Ярий. — Мы пробовали использовать паровой двигатель — он сгорел. Электричество от турбин — никакой реакции. Там есть... энергия. Но мы не знаем ключа. Может, вы знаете?»

Майрон осторожно взял телефон. Холодный пластик. Знакомый вес. Кнопка сбоку. Он нажал на нее. Никакой реакции. Конечно. Батарея разрядилась много лет назад. Но это был не просто электронный прибор. Это был артефакт, который говорил с ним на языке его прошлого. И он знал суть проблемы. Инженеры «Аргоса», при всем своем гении, пытались подавать питание на контроллер питания, минуя батарею. Это было все равно что пытаться запустить сердце, перекачивая кровь прямо в мозг. Нужен был другой подход.

«Мне понадобится инструмент, — сказал Майрон, не отрывая взгляда от телефона. — Очень тонкий. И стабильный источник тока. Очень слабый ток. И... время. Я знаю, что делать».

Ярослав посмотрел на него с видом человека, только что совершившего самую выгодную инвестицию в своей жизни.

Глава 8. Призрак в стекле

Весть о том, что незнакомец в халате планирует «оживить залежавшееся стекло», распространилась по складу, словно паровая пробка. К тому времени, как Мирон разложил свои инструменты на верстаке, в углу собралось полдюжины наблюдателей из персонала Турбинного дома. Ярий не стал их прогонять. Это был его театр, а Мирон — его главный актёр. И он позволял ему играть.

Мирону было все равно. Он вошел в состояние потока. Ненавистная ему социальная маскировка теперь была не нужна. Он не играл роль. Он решал проблему. А толпа вокруг него была просто частью фона.

Инструменты Аргоса были грубыми, но точными: миниатюрные плоскогубцы, отвертки и медные пинцеты. Источником питания служил небольшой генератор с ручным приводом, похожий на динамо-машину, который Корвус с мрачным усердием вращал, следя за стрелкой вольтметра. Майрон попросил самую тонкую проволоку. Ему дали серебряную нить, используемую местными ювелирами.

Он работал молча, с холодной, хирургической сосредоточенностью. Телефон был разобран. Майрон раньше не разбирал телефоны; он не был инженером-электронщиком. Но он знал принцип. Он знал каркас. Батарея, контроллер питания, контакты. Инженеры Turbine сожгли контроллер, обойдя батарею. Это означало, что им нужно было подавать питание непосредственно на шину, ведущую к процессору, минуя сгоревший контроллер. Крошечное напряжение, ровно столько, чтобы запустить загрузчик. Это был риск. Один неисправный чип — и телефон превратится в бесполезный кусок кремния.

Он подхватил серебряную нить тончайшим пинцетом и прикоснулся ею к едва заметному месту на материнской плате.

«Текущий», — приказал он.

Корвус начал вращать циферблат. Стрелка вольтметра замигала.

На мгновение ничего не произошло. Толпа позади них затаила дыхание.

И тут экран телефона замерцал. Не загорелся — просто слабо, едва заметно мерцал. По черному стеклу пробежала серая рябь. А затем появился логотип. Медленно, словно возникший из ниоткуда. Производитель, которого никто в этом мире не знал.

«Игнис!» — выдохнул кто-то позади меня. «Огонь внутри!»

"Тейс! Заткнись!" — рявкнул Ярий.

Телефон загружался мучительно долго. С каждой секундой Мирон боялся, что батарея вот-вот разрядится. Но тут на экране мелькнул рабочий стол. Фотография. Девочка и собака. Размытый, любительский снимок. Прошлое чьей-то обычной жизни, застывшее в кремнии.

Телефон принадлежал женщине. Это было очевидно по значкам приложений и стилю обоев. Мирон быстро, пока держалась батарея, нашел приложение «Заметки». Он открыл его. Последняя запись датирована маем 2029 года. Всего три года назад по земному времени. Или триста лет по местному времени? Он не знал.

Запись была короткой. Текст был на русском языке.

«Не знаю, кто это прочитает. Меня зовут Лиза. Я из Санкт-Петербурга. Здесь есть и другие. Двое. Они сошли с ума, они думают, что это рай, что машины живые. Не знаю. Мне страшно. Вода лжет, она меняет мозг. Если ты человек, не пей из центральных источников. Только из корней, где растут красные ягоды. Я еду в горы на север. Там холоднее, нет пара. Если кто-нибудь меня найдет, не говори маме. Просто скажи ей, что я ее люблю. 15 мая 2029 года».

Мирон прочитал это и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это было послание в бутылке, написанное три года назад. Лиза. Она была здесь. Она видела то, что видел он. И ей было страшно. Так страшно, что она отправилась одна в неизвестные горы.

Он закрыл свои записи и направился в галерею. Фотографии. Лес. Тот самый антрацитово-медный лес, но сфотографированный не с ужасом, а с неким исследовательским интересом. Селфи с картиной «Корень» на заднем плане. Улыбающееся лицо женщины лет тридцати, растрепанные светлые волосы, та же кружка со сколотой ручкой в руке. Нет, не его. Другая. Но похожая. Человеческое стремление к идеалу.

А потом он увидел видео. Последнее. Оно было коротким, десять секунд. Мирон нажал кнопку воспроизведения.

Лиза смотрела на экран, дергаясь из-за плохого соединения. Она была не в лесу. Она находилась в какой-то пещере. Было кромешная темнота, и только свет от экрана освещал ее испуганное лицо.

«Они не хотят, чтобы мы уходили, — прошептала она. — Не люди. Машины. Они считают нас… частями. Необходимыми частями. Не верьте тому, что они говорят…»

Видео закончилось.

В комнате повисла гнетущая тишина. Толпа рабочих позади них, не понимая ни слова по-русски, тем не менее, ощутила эмоции. Страх. Предупреждение.

Мирон медленно выключил питание. Экран погас. Он положил телефон на верстак и посмотрел на Яри. Тот пристально смотрел на него, прищурив глаза.

«Что сказала женщина-призрак?» — тихо спросил он.

Мирон выдохнул. Он думал. Анализировал. Слова Лизы не были бреднями сумасшедшей. Она была напугана, но рассудительна. «Вода лжет». «Не верь тому, что она говорит…» Она говорила о ком-то конкретном. Или о чем-то.

«Она сказала, — медленно произнес Мирон, тщательно подбирая слова на языке аргазина, — что в этом мире есть… другие. Те, кто не люди, но говорят. И что вода из центральных источников… изменяет разум».

Яри не выглядел удивленным. Он мрачно кивнул.

«Aqua mentis, — сказал он. — Вода разума. Мы знаем. Она укрепляет связь с миром. С Аргосом. С машинами. Но слишком много — и ты становишься... частью чего-то. Ты теряешь себя. Вот почему мы пьем только фильтрованную воду. Ту, которая прошла через корни». Он помолчал, глядя на разобранный телефон. «Ваша женщина была умна. И она отправилась на север. К Холодным Горам. Оттуда никто никогда не возвращается. Даже машины».

Майрон сжал челюсти. Где-то там, на севере, человек из его мира, возможно, еще жив или умирает. Человек, который знает больше. Или, по крайней мере, заслуживает того, чтобы рассказать о нем его матери.

«Мне нужна карта, Ярий, — сказал он. — Полная карта этого мира. И всё, что ты знаешь о „говорящих“».

Ярий долго смотрел на него.

— Это опасная информация, Мирон.

«Я посмотрел шестьсот сериалов», — ответил Майрон с горькой улыбкой. «Я знаю, что самое опасное знание — это правда. И именно это мне и нужно».

Ярий вздохнул и кивнул.

— Вы получите карту. И это правда. Насколько мне известно.

Глава 9. Шепот в трубе

Карта, разложенная Юрием на верстаке, была произведением искусства. Не напечатанная, не нарисованная от руки, но живая. Тонкий лист обработанной медной фольги, горы, реки и города выделялись на её фоне в четком контрасте. Но самое поразительное — она реагировала на тепло. Когда Юрий прикладывал к ней ладонь, по металлу пробегали едва заметные волны, а некоторые участки начинали светиться тусклым оранжевым светом. Тепловая карта. Технология, использующая разницу температур для отображения данных.

«Смотри», — Ярий указал пальцем на центр, где пульсировала самая яркая точка. «Сигнум. Терраморф. Вот мы и здесь». Его палец двинулся на север, где местность становилась все более изрезанной, а города исчезали, уступая место пустынным просторам. «Монтес Фригидос. Холодные горы. Единственное место на континенте без вулканической активности. Где не живут машины».

Он провел рукой по карте, и северная область отреагировала не теплым свечением, а потемнела, приобретя матово-серый оттенок. Мертвая зона.

«Почему туда не ездят машины?» — спросил Мирон, вглядываясь в карту.

«Ferrum moritur, — ответил Ярус. — Железо умирает. Там так холодно, что пар замерзает в трубах. Смазка густеет. Шестерни трескаются. Это место для плоти. Только для плоти». Он помолчал. «И для тех, кто хочет спрятаться от Аргоса».

Мирон кивнул. Теперь он знал, куда ушла Лиза. Но ехать туда сейчас, без подготовки, без снаряжения, без знания языка и местных обычаев, было бы самоубийством. Он не любил риск, но умел его рассчитать. Сейчас риск был неприемлемо высок. Он должен был подготовиться.

«Мне нужно время, — сказал он. — Время, чтобы выучить язык. Время, чтобы понять этот мир. Время, чтобы заработать деньги на оборудование».

Яри усмехнулся.

«Время — деньги. Ты его заработаешь. Завтра прибудут первые реликвии на осмотр. А сегодня…» — он взглянул на Корвуса, — «покажи ему город. Пусть увидит, чем мы дышим».

Корвус закатил глаза, но не стал спорить. Было ясно, что он не в восторге от роли няни босоногого незнакомца, но приказы есть приказы.

Они вышли из склада. Днём улицы Терраморфа бурлили своей собственной, шумной, щёлкающей и шипящей жизнью. Майрон следовал за Корвусом, пытаясь не отставать от толпы. Город был не просто механическим — он был основан на кастовой системе. Это почти сразу привлекло его внимание. Нижний ярус, прямо на уровне земли, был царством грубой силы и труда. Здесь располагались литейные цеха, кузницы и ремонтные доки, где ремонтировали огромные поршни и клапаны, спускаемые с верхних уровней. Воздух здесь был горячим и едким. Люди были одеты в промасленные комбинезоны, их лица были серыми от усталости. Они игнорировали Майрона. У них не было на него времени.

Затем, по системе наклонных пандусов и паровых лифтов, они поднялись на средний ярус. Здесь дышать было легче. Это был ярус торговцев, ремесленников и гильдий. Здесь располагались магазины тканей, мастерские по изготовлению прецизионных инструментов и аптеки с витринами, заполненными банками с законсервированными образцами местной флоры. Здесь же находились и офисы — в том числе и других торговых домов, как понял Майрон по вывескам с их гербами. Отношения между домами, судя по напряженным взглядам охранников у дверей, были конкурентными, но не враждебными. Холодная война капитала.

Майрон не видел высшего эшелона. По словам Корвуса, туда допускались только «Аурат» — «Позолоченные». Правящая элита, владевшая патентами на ключевые технологии. Корвус говорил о них с плохо скрываемой смесью презрения и зависти.

«Они не работают руками, — пробормотал он. — Они работают головой. Но их головы давно уже сгнили от водного ментиса. Они слышат шепот машин и думают, что это голос Бога».

Мирон это помнил. Шепот машин. Значит, питьевая вода из центральных источников была не просто ядом, а своего рода наркотиком, создающим иллюзию связи с миром. И элита подсела на это.

Они остановились у небольшой закусочной на среднем этаже. Корвус заказал себе и Мирону порцию того же рагу, что и вчера, а также две кружки горького напитка. Пока они ели, Мирон продолжал наблюдать. Его интровертная натура не поддавалась влиянию толпы — он просто воспринимал их как элементы системы, анализирующие потоки и закономерности.

И вдруг он это услышал. Шепот.

Сначала он подумал, что это Корвус что-то бормочет себе под нос. Но нет. Корвус молча жевал. Шепот доносился не от людей. Он доносился из стены. Из трубы парового отопления, проходящей прямо за их столом.

Мирон замер, прислушиваясь. Шепот был неразборчивым, но в нем была структура. Ритм. Мне нравится такая музыка. Только это был не музыкальный ритм. Это была речь. И она становилась все громче, все настойчивее.

— ...пришёл незнакомец... слышишь...

Мирон резко повернулся к трубке. Он не понимал слов — они были на аргазинском языке, — но общий смысл дошёл до него каким-то другим, невербальным образом. Образы. Ощущения. Холод. Любопытство. Голод.

«Корвус!» — позвал он. — «Слышишь?»

Корвус поднял на него взгляд, в его глазах читалось непонимание.

— Квид? Что?

— Шепот. В трубе. Голос.

Выражение лица Корвуса изменилось. Оно стало напряженным. Он прислушался. Прошло пять секунд. Десять. Он покачал головой.

«Ничего. Ничего. Просто пар, Майрон». Он посмотрел на него с подозрением. «Ты пил аква ментис?»

— Нет. Я выпил только то, что ты мне дал.

Хмурое выражение лица Корвуса стало еще более мрачным. Он отодвинул миску и встал.

— Пошли. Немедленно. К Юрию.

Шепот стих, но Мирона не покидало неприятное, липкое чувство, что за ним следят. Нет, не следят. Подслушивают. Сквозь стены. Сквозь трубы. Сквозь сам город.

Приближаясь к складу, Майрон заметил еще кое-что. На стене одного из домов, прямо над каменной кладкой, медленно появилось пятно, похожее на синяк. Оно пульсировало в такт дыханию Генератора. И это пятно, если присмотреться, можно было принять за силуэт. Человеческий силуэт, слившись со стеной. И этот силуэт, казалось, повернул голову вслед за ними.

Мирон ничего не сказал Корвусу. Он просто запомнил координаты этого дома.

Глава 10. Гильдия Искателей

Ярий молча выслушал доклад Корвуса. Когда молодой охранник закончил и ушел, оставив их двоих наедине, Ярий долго смотрел на Мирона, постукивая пальцами по столу.

«Ты уверен, что не пил аква ментис?» — наконец спросил он.

«Уверен. Я здесь почти ничего не пил, кроме этого напитка и воды из твоей фляги».

Ярослав вздохнул и откинулся на спинку своего пилотского кресла.

«Тогда это плохо, Ми-рон. Очень плохо. Обычно, чтобы услышать голос Аргоса, нужно годами пить воду из центральных источников. Аурат И пьют её десятилетиями, чтобы установить связь. Но ты... ты слышишь её просто так. Без подготовки. Без фильтров. Ты — резонатор. Как и те другие».

"Kazakov? Lisa?" asked Miron.

— Да. Все, кто пришел из вашего мира. Вы все — резонаторы. Аргос... он говорит с вами. Он хочет вас.

- За что?

Яри развел руками.

«Никто не знает. Даже Аураты. Они верят, что Аргос — божество, мировой разум, и он говорит с ними. Но я, Ми-рон, старый торговец. Я не верю в богов. Я верю в механизмы. Аргос — сложная система. Живая? Возможно. Но не божественная. И ей нужно что-то от инопланетян. Что-то, чего у нас нет. Возможно, ваша…» — он замялся, подбирая подходящее слово, — «ваша способность видеть скелет? Понимать сущность? Я не знаю».

Мирон молчал. Это многое объясняло. Слова Лизы, её страх и тот факт, что она сбежала на север, где нет машин. Она пыталась спрятаться от голоса. От этого шёпота в трубах.

«Значит, я слышу его везде, где есть пар?» — спросил Майрон.

— Да. Пар — это жизненная сила Аргоса. Его нервная система. Через пар он видит. Через пар он говорит. Весь Терраморф, вся эта часть континента — это его тело.

«Тогда мне нужно ехать на север. Даже быстрее, чем я думал».

Яри покачал головой.

«Ты не доберешься туда в одиночку. Север — это не просто холод. Это земля изгоев. Там живут Изгнанники, Изгнанники. Те, кто отказался принять правление Аурат и не хотел быть частью системы. Они ненавидят этот город и всех, кто с ним связан. Они убьют тебя просто за то, что ты отсюда».

— Но Лиза пошла.

«И она так и не вернулась». Яри встал и подошёл к окну, выходящему во двор склада. «Вам нужна подготовка. Не просто снаряжение и язык. Вам нужны союзники. Те, кто знает север. Те, кто может выжить за пределами городов». Он повернулся. «Я могу найти их для вас. Но это обойдётся дороже, чем просто консультации по поводу реликвий».

- Что ты хочешь?

«Я хочу, чтобы ты вступил в Гильдию. Официально. В качестве Охотника за реликвиями. Это даст тебе статус, защиту гильдии и доступ к снаряжению. А Гильдия будет получать процент от твоих будущих находок».

Мирон усмехнулся. Всё одинаково везде. Бюрократия. Даже в мире шестеренок и паровых двигателей.

— Вы хотите, чтобы я стал вашим тайным агентом гильдии?

«Я хочу, чтобы ты стал моим партнером под защитой закона», — поправил Яри. «Это две разные вещи. Подумай об этом до завтра. А сейчас... отдохни. Реликвии прибудут завтра. И поверь мне, тебе понадобится ясная голова».

Майрон кивнул и ушел. Душа его была тяжела. Он чувствовал, как его затягивает в местные интриги, в игры, которых он всю жизнь пытался избежать. Но у него не было выбора. Одиночка в этом мире — труп. Либо механический, если он поддастся голосу Аргоса, либо более обычный, от ножа изгнанника.

Он вернулся к своему шкафу. Снял сандалии, сел на кровать и закрыл глаза.

И снова я услышал шепот. На этот раз он доносился не из трубы. Он доносился из стены. Из пола. Из воздуха.

— ...пришли... останься... Сейчас...

«Нет», — громко ответил Майрон, не открывая глаз. «Я не твоя часть. Я человек. Я пойду домой. К жене. К сыну».

Шепот стих. Но последовавшая за этим тишина не была доброжелательной. Она была наполнена ожиданием.

Где-то глубоко внутри Генератора, в самом сердце Терраморфа, что-то медленно, со скрежетом вращалось. И этот скрежет был похож на скрипучий, древний смех.

Глава 11. Испытание реликвии

Утро началось не с шепота в трубах, а с рева. Где-то на нижнем уровне, в ремонтных доках, что-то упало — судя по звуку, деталь размером с грузовик. Майрон мгновенно проснулся, без привычного перехода от сна к бодрствованию. Снов по-прежнему не было. Только темнота. А потом — реальность. Чужая, грохочущая, с запахом нефти.

Он лежал там несколько минут, уставившись в каменный потолок. Его мысли были ясными, холодными. Вчерашний разговор с Юрием, шепот в трубе, силуэт на стене — он все это переосмыслил, очистил от эмоций. Факты. Выводы. План.

Факт первый: Аргос, этот мир, не просто живой. Он разумен. Или, по крайней мере, обладает чем-то, что можно считать разумным. Он общается со своими обитателями посредством пара, воды, самой материи. И он особенно интересен для пришельцев из других миров.

Факт второй: Майрон — «резонатор». По какой-то неизвестной причине он слышит этот голос без подготовки, без многолетнего употребления аква ментиса. Это делает его ценным для местной элиты и потенциально опасным для него самого.

Факт третий: Северная часть, горы Фригидна, — это мертвая зона для автомобилей. Лиза там побывала. Возможно, там можно спрятаться от голоса. Или найти способ вернуться домой.

Четвертый факт: без ресурсов, союзников и знаний он не добьется успеха.

Вывод: предложение Юрия вступить в Гильдию — не ловушка, а рациональный шаг. Принимайте. Но с оговорками.

Он встал, умылся и оделся. Он аккуратно сложил свою уже изрядно потрепанную мантию и положил ее в небольшой сундук, стоящий в углу шкафа. Он не выбросил ее. Это была его нить. Его якорь. Вместо мантии Ярий дал ему простую, но качественную одежду: серую рубашку из плотной ткани, брюки с кожаными вставками на коленях, жилет с многочисленными карманами для инструментов. И приличные сапоги — грубые, с толстой подошвой, но хорошо сидящие. Мирон посмотрел на себя в мутное металлическое зеркало. Лицо другого человека в чужой одежде. Но глаза были его. Усталые, но не сломленные.

Когда он спустился в главный складской зал, работа уже шла полным ходом. Передвигали ящики, рабочие кричали на каком-то лающем языке, который звучал как смесь латыни и технического жаргона. В центре зала, на приподнятой платформе, стоял предмет, покрытый промасленной тканью.

Ярий ждал его у верстака. Рядом с ним стояли двое незнакомцев. Первый — высокий, худой мужчина с бледным лицом, словно никогда не видел солнца. На нем был длинный сюртук с высоким воротником, расшитый серебряной нитью. В руке он держал трость с наконечником в форме зубчатого колеса. Типичный Аурат, предположил Майрон. Но не высокопоставленный чиновник. Скорее, чиновник среднего звена. Представитель властей.

Вторая была женщиной. И она совершенно не вписывалась в этот мир шестеренок и пара. Невысокая и коренастая, с обветренным загорелым лицом и короткими пепельно-русыми волосами. Ее одежда была функциональной, простой и сильно залатанной. На поясе у нее было не паровое оружие, а простой механический арбалет. На ногах у нее были высокие походные ботинки, изношенные и поцарапанные. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на Майрона с откровенным, оценивающим любопытством. Ее взгляд был острым, как лезвие ножа, которое было видно в ножнах на ее предплечье.

«Ми-рон», — Ярий шагнул вперед, приняв на себя роль ведущего церемонии. — «Позвольте представить вас. Доминус Корвин», — он указал на худощавого мужчину, — «Секретарь Гильдии Искателей Реликвий. Он здесь, чтобы присутствовать на вашем суде».

Корвин слегка кивнул. Его бледно-голубые, почти бесцветные глаза без всякого интереса скользнули по Майрону. Он был здесь по долгу службы.

«А это, — Ярий повернулся к женщине, — Лира. Магистр-исследователь. Мастер-разведчик Гильдии. Она будет оценивать ваши… практические навыки».

Лира не кивнула. Она просто продолжала смотреть.

«Это он?» — спросила она хриплым, тихим голосом. «Босоногий призрак, который разговаривает с трубопроводом?» Она обошла Майрона, словно осматривая лошадь перед покупкой. «Не впечатляет. Выглядит как офисный крысёныш».

Мирон не обиделся. Его давно уже ничто не обижало. Он просто спокойно посмотрел на неё в ответ. Его внутренний аналитик уже рисовал её портрет. Жесткая, прямолинейная, не любит городских жителей. Опытный полевой агент. Можно было почувствовать ее силу, но не физическую — силу воли. Силу тех, кто выживает там, где другие рушатся. Она питает неприязнь к «офисным работникам». Возможно, личную. И она не верит в «призраков». Что ж, это, на самом деле, хорошо. Скептиков сложнее переубедить.

«Я не крыса, — сказал Майрон на аргосском диалекте, тщательно подбирая слова. — Я аналитик. И я не разговариваю с трубопроводом. Трубопровод разговаривает со мной».

Лира остановилась. В ее глазах мелькнуло что-то — не удивление, скорее переосмысление ситуации.

«Хорошо, аналитик», — указала она на предмет под тканью. — «Покажи, на что ты способен».

Ярий сделал плакат, и рабочие сняли ткань.

На приподнятой платформе стояла машина. Майрон никогда ничего подобного не видел. Представьте себе запутанную массу металлических щупалец, каждое толщиной с палец, обвивающих центральное ядро — матовую черную сферу размером с человеческую голову. Щупальца были снабжены различными инструментами: скальпелем, зажимом, иглой, небольшой пилой. Медицинский робот. Или, точнее, автономный хирургический модуль. Но он был сломан. Это было очевидно по безжизненно свисающим щупальцам и тусклому, едва различимому световому импульсу внутри ядра. Агония, а не работа.

«Мы нашли это в руинах под Седьмым сектором», — объяснил Корвин, его голос скрипел, как не смазанная дверь. «Наши инженеры пытаются заставить его работать уже десять циклов. Безуспешно. Они говорят, что это медицинское устройство Древних. Тех, кто был до нас. Возможно, из вашего мира».

«Это не из моего мира», — медленно произнес Майрон, подходя ближе. «В моем мире нет таких технологий». Он присел на корточки, осматривая ядро. «Это… нечто более совершенное».

Он не лгал. На Земле не было автономных хирургических роботов с таким уровнем интеграции. Это было похоже на технологии из научно-фантастических книг, которые он читал. Или на разработки Казакова. Экспедиция «Надежда». 2147 год. Так достигнет ли Земля этого уровня в будущем? Или это была собственная технология Аргоса?

Он осторожно коснулся одного из щупалец. Металл был теплым. Живым. Легкая вибрация пробежала по его пальцам. И в тот самый момент в его голове раздался знакомый шепот. Но не слова — образ. Вспышка. Видение.

Он увидел операционную. Не земную, не аргонианскую. Стены из белого материала, не из камня или металла. Свет без источника. И этот робот, этот хирург, склонился над телом. Над человеком. Лицо пациента было скрыто, но Мирон увидел нечто другое — руки хирурга, держащие инструменты. Человеческие руки. А на запястье — браслет. Точно такой же, какой ему показал Ярий. «С.А. Казаков. Экспедиция «Надежда»».

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Майрон отдернул руку, сердце бешено колотилось.

«Что?» — резко спросила Лира, заметив его реакцию.

«Ничего», — выдохнул Майрон. «Просто… остаточная память от машины». Он не знал, как объяснить увиденное. Он ещё не знал. Но он понимал главное. Этот робот не был сломан. Он был заблокирован. Заблокирован на каком-то глубоком, программном уровне. И ключом к его блокировке был браслет. Браслет Казакова.

"Ну?" — Корвин нетерпеливо постукивал тростью. "Ты можешь кое-что сделать, странник?"

Мирон встал. Он посмотрел на Яри.

«Мне нужен этот браслет. Именно тот. Браслета Казакова. Без него эта машина не проснётся».

Корвин нахмурился.

«Это невозможно. Браслет хранится в хранилище Гильдии, классифицированном как «Особо ценный». Доступ к нему возможен только с разрешения Совета».

«Тогда эта машина так и останется неработоспособной», — спокойно ответил Майрон. «Это не неисправность. Это замок с ключом. Без ключа нет никакого способа её открыть».

Лира вдруг улыбнулась. Хрипло, коротко.

«Он мне нравится», — сказала она, обращаясь ни к кому конкретно. «Он может быть и крыса, но у него есть зубы».

Ярий задумчиво посмотрел на Мирона.

— Вы уверены?

«Я это видел», — сказал Майрон. «Не спрашивайте, как. Я просто это увидел».

В комнате воцарилась тишина. Корвин переводил взгляд с Майрона на Яри, явно обдумывая бюрократические последствия.

«Я доложу Совету», — наконец сказал он. «Но я не могу обещать, что они удовлетворят мою просьбу». Он резко повернулся и направился к выходу, постукивая тростью.

Когда он ушёл, Лира подошла прямо к Мирону. Она была на полголовы ниже его, но была так полна энергии, что казалось, будто она заполняет всё пространство вокруг себя.

— Ты действительно это видел? Или просто блефуешь, чтобы заполучить браслет?

«Я не умею блефовать, — ответил Майрон. — Я умею анализировать».

Лира прищурилась.

— Тогда скажите, аналитик, что вы сейчас анализируете?

Мирон посмотрел ей в глаза.

«Я анализирую тебя, Лира. Тебе не нравится город. Тебе не нравится Аураты. Ты потеряла кого-то на задании — возможно, напарника — и теперь предпочитаешь работать в одиночку. Но ты здесь. Поэтому Ярий предложил тебе то, от чего ты не могла отказаться. Деньги? Нет. Снаряжение? Вряд ли. Что-то личное. Что-то связанное с севером».

Лира замерла. Ее рука инстинктивно потянулась к ножу на предплечье, но остановилась на полпути. Она перевела взгляд на Ярия.

— Ты ему сказала?

Яри покачал головой.

— Ни слова. Только он сам.

Лира снова посмотрела на Майрона. На этот раз в ее взгляде было что-то другое, не любопытство, а настороженное уважение.

«Хорошо, — сказала она. — Возможно, ты действительно тот, кто мне нужен». Она повернулась и направилась к выходу. «Ярий, дай ему карту северных предгорий. И оружие. Он пойдет со мной. Через три дня».

«Я еще не согласился», — сказал Майрон.

Лира остановилась у двери и оглянулась через плечо.

— У вас есть выбор?

И она ушла.

Ярий и Мирон остались одни.

«Она всегда такая?» — спросил Майрон.

«Хуже того. Ты ей нравился. Обычно она просто молчит». Юрий подошёл к верстаку и взял разобранный телефон Лизы. «Значит, браслет Казакова — это ключ. Ключ к чему? К медицинскому аппарату? Или к чему-то большему?»

«Не знаю», — честно ответил Майрон. «Но этот пулемет — это больше, чем просто инструмент. Он связан с Казаковым. А Казаков связан с севером. Я это чувствую».

— Опять ваша интуиция?

- Да.

Ярой кивнул.

«Хорошо. Я достану тебе браслет. Даже если мне придётся подкупить половину Совета. А пока готовься. Трех дней недостаточно».

Майрон подошел к окну и посмотрел на город. Где-то там, в своих золотых башнях, сидели Аураты, пили мятную воду и слушали голос Аргоса. А где-то на севере, в ледяных горах, возможно, все еще жила Лиза, предпочитая холод и тишину этому шепоту.

Он должен найти её. Или хотя бы выяснить, что с ней случилось.

Глава 12. Собрания и тени прошлого

Пролетело три дня. Мирон с головой погрузился в работу — помогал Ярии расшифровывать реликвии, одновременно изучая карты северных территорий и тренируясь с оружием. Последнее давалось с трудом. Не потому, что он был неуклюжим — координация движений у него была хорошая, — а потому, что его разум восставал против самой идеи насилия.

Лира, взявшаяся за его обучение, быстро это поняла.

«Тебе не стоит брать в руки оружие», — сказала она на второй день, когда они стояли в подвальном тире, оборудованном в одном из отсеков склада. Майрон держал в руках небольшой паровой пистолет — не винтовку, которую носили охранники, а более компактную гражданскую версию. «Почему?»

«Потому что я не хочу никого убивать», — ответил Майрон.

— А что, если они тебя убьют?

— Это будет их выбор. Не мой.

Лира долго смотрела на него. Затем подошла, забрала у него пистолет и заменила его арбалетом. Легким, механическим, без всякой паровой магии.

«Это тебя не убьет, — сказала она. — Это просто остановит тебя. Парализующие разряды. Они вырубят тебя на час-два. Этого достаточно, чтобы убежать. Не хочешь убивать — хорошо. Мне это тоже не нравится. Но на севере тебе придется защищаться. От зверей. От изгнанников. От худшего к худшему».

— Что может быть хуже?

Лира мрачно улыбнулась.

— Те, кто говорит.

Она не стала развивать эту тему дальше, и Мирон не стал настаивать. Всему свое время. Но он это помнил.

К третьему дню все было готово. Ярий дал ему походный рюкзак — прочный, из промасленной кожи, с многочисленными отделениями. Внутри: недельный запас еды, фильтрованная вода во флягах, спальный мешок, выстланный мехом местного животного, напоминающего нечто среднее между медведем и ящерицей, аптечка с лекарствами, названия которых Майрон ещё не знал, и запасные стрелы для арбалета. И — самое главное — браслет Казакова.

Ярий сдержал своё слово. Мирон не стал спрашивать, откуда он взял браслет у Совета. Слишком много вопросов могло навредить. Но браслет теперь лежал в его нагрудном кармане, тяжелый и теплый, напоминая, что он не первый здесь. И, возможно, не последний.

Вечером накануне отъезда Мирон сидел в своем шкафу и смотрел на браслет. Гравировка, стертая временем, но все еще четкая: «С.А. Казаков. Экспедиция «Надежда». 2147». Он надел браслет на запястье. Он защелкнулся, словно он этого ждал.

Ничего не произошло. Ни видения. Ни голоса.

Мирон вздохнул и уже собирался снять платье, когда вдруг краем глаза заметил движение.

На стене его маленькой комнаты, в углу, где тени были самыми глубокими, что-то шевельнулось. Силуэт. Тот самый, который он видел на улице. Только теперь он был четче. Человеческая фигура, сотканная из тьмы и чего-то еще — пара? Дыма? Другой субстанции?

Мирон замер.

«Кто вы?» — тихо спросил он.

Силуэт покачивался, словно подхваченный ветром, отсутствующим в комнате. А затем он заговорил. Голос был не звуком — он доносился прямо из моей головы, минуя мои уши. Сухой, тихий, бесцветный.

«Я тот, кто был здесь до вас. Я тот, кто остался. Я Казаков».

Майрон перевел дух.

— Вы... живы?

«Нет, — ответил голос. — Я — эхо. Отпечаток. Тень, оставленная в паровой сети. Я прятался здесь, пока не нашел новый резонатор. Я ждал двадцать циклов. И вот ты здесь».

- Что ты хочешь?

— Помогите. Предупреждение. Аргос — не то, чем кажется. Аурат И — не сила. Они слуги. Они служат Голосу. А Голос... Он ищет дверь.

— Какая дверь?

— Дверь в ваш мир.

У Майрона сжалось сердце. Он вспомнил слова Ярия: «Аргос — сложная система. Живая? Возможно». Если Аргос — живая планета, механический разум, и он ищет дверь в другой мир… Зачем? Чтобы расшириться? Чтобы поглотить?

«Как мы можем его остановить?» — спросил Майрон.

«Север, — ответила тень Казакова. — Где холодно. Где пар замерзает. Есть место, где нет электросети. Лаборатория. Моя лаборатория. Я строил машину, чтобы вернуться домой. Но у меня не получилось. Меня нашли первыми. Аурати. Голос. Они забрали мои исследования. Но не все. Я спрятал ключ активатора. В кабинете хирурга».

«В этой медицинской работе?» — понял Мирон.

— Да. Браслет — это ключ к роботу. Робот — это ключ к лаборатории. Лаборатория — это ключ к двери. Но не идите туда, чтобы открыть дверь. Идите туда, чтобы закрыть ее. Навсегда. Если Аргос найдет способ проникнуть в ваш мир, ваш мир погибнет. Он станет всего лишь ещё одним винтиком в этой бесконечной машине.

Тень начала исчезать, распадаясь на сгустки тьмы.

«Подождите!» — шагнул вперед Майрон. «Что случилось с Лизой? С женщиной, которая уехала на север три года назад?»

Тень заколебалась.

«Она жива. Но она не одна. Те, кто говорит, с ней. Они нашли её. Они ждали тебя».

— Почему именно я?

«Потому что ты, Майрон Вешняк, — последний резонатор. Последний элемент, необходимый «Аргоси», чтобы открыть дверь. Ты — ключ».

С этими словами тень исчезла, растворившись в стене. В комнате снова воцарилась тишина. Пространство наполнял лишь далекий и безразличный гул генератора.

Мирон стоял неподвижно, уставившись в темный угол. Затем он медленно снял браслет и положил его в карман. Его руки не дрожали. Дыхание было ровным.

«Вы — ключ к успеху».

Он всегда знал, что в каждом скелете есть центральная кость, которая всё скрепляет. Просто он не думал, что этой костью окажется он сам.

Он подошёл к окну и посмотрел на ночной Терраморф. Город зверей, город машин. Где-то там, в его сердце, билось нечто, считавшее себя богом. И этот бог хотел попасть на Землю. К Лере. К своему сыну.

«Ты не пройдешь», — тихо сказал Майрон. «Я не твой ключ. Я — замок».

Завтра они отправятся на север. С Лирой, которая никому не доверяет. С арбалетом, который не убивает. И с тенью мертвого ученого, который ждал его двадцать циклов.

Впереди были горы. И ответы.

Глава 13. Пепельная дорога

Они встретили рассвет у Северных ворот. Янтарное небо только начинало заливать светом, и гигантские шестерни на небосклоне медленно вращались, словно неохотно пробуждаясь от ночного сна. Ворота Терраморфов, обращенные к Пепельной дороге, были самыми маленькими из всех — не главным входом, а пунктом обслуживания для патрулей и торговцев, ведущих дела с северными поселениями.

Лира уже ждала его. Она стояла, прислонившись спиной к теплой, пульсирующей трубке, и курила. Не табак — что-то местное, сушеные листья, завернутые в тонкую бумагу. Запах был резкий, как у шалфея с оттенком горелого дыма. Увидев Майрона, она бросила окурок на землю, затоптала его каблуком и молча кивнула.

«Вы не опоздали», — сказала она вместо приветствия.

«Я не люблю опаздывать», — ответил Майрон.

— Это уже плюс.

Она осмотрела его с головы до ног. Проверила рюкзак, как закреплен арбалет, как сидят ботинки. Поправила ремень на его плече, затянув его. Жест был деловым, почти неестественным, но в нем чувствовалась забота. Не материнская, а профессиональная. Теперь она отвечала за его жизнь, и она намеревалась сделать это хорошо.

«Правила», — сказала она, когда они прошли через ворота и вышли на запыленную, утоптанную дорогу, ведущую на север. «Слушайте меня. Без вопросов. Если я скажу „лягте“, вы упадете без вопросов. Если я скажу „молчите“, вы задержите дыхание. Если я скажу „бегите“, вы бежите и не оглядывайтесь. Это не город. Здесь нет охраны и нет Гильдии. Есть только мы и то, что пытается нас убить».

«Принято», — сказал Майрон.

— Хорошо. Второе правило: никакой воды. Вообще никакой. Даже фильтрованной воды из колб хватит на неделю, потом будем искать родники у корней. Но если увидишь ручей чистой воды далеко от растений, не пей её. Даже если умираешь от жажды. Лучше умереть от жажды, чем от того, что эта вода с тобой сделает.

— Я помню. Лиза писала об этом.

Лира быстро взглянула на него.

— Лиза, ты часто об этом упоминаешь. Она была твоей женщиной?

— Нет. Просто человек из моего мира.

— И ты идешь на север, в мёртвые земли, рискуя жизнью ради простого человека?

- Да.

Лира молчала, обдумывая ответ.

«Ты либо идиот, либо святой», — наконец сказала она. «И то, и другое опасно в походе».

«Я ни к одной из этих категорий не отношусь», — спокойно ответил Майрон. «Я просто хочу понять».

Лира усмехнулась и больше не задавала вопросов.

Они шли несколько часов. Дорога Ясеня полностью оправдывала свое название: она была покрыта мелкой серой пылью, которая поднималась с каждым шагом и оседала на их одежде, лицах и губах. Окружающий пейзаж постепенно менялся. Черные, антрацитовые стволы механизированного леса уступали место низкорослым, узловатым деревьям с бледной, желтоватой листвой. Пар, окутывает низины, рассеялся. Воздух становился суше и холоднее.

К полудню они достигли своей первой достопримечательности — аванпоста № 14, как его назвала Лира. Когда-то здесь находился аванпост Гильдии, но теперь от него остались лишь руины: расплавленные каменные стены, искореженные металлические балки и большой ржавый котел, расколотый пополам, как яичная скорлупа.

«Что здесь произошло?» — спросил Майрон, осматривая следы разрушений.

«Нападение. Примерно десять лет назад. Никто точно не знает, кто это был. Изгнанники? Дикие машины? Те, кто разговаривает?» Лира пожала плечами. «Гильдия не стала расследовать. Они просто закрыли маршрут на два цикла, а затем снова открыли. Люди здесь — расходный материал».

Она сказала это без горечи, словно констатируя факт.

Они ненадолго отдохнули. Майрон сел на сломанную стену и достал флягу. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но он заставил себя выпить ровно столько, сколько ему было нужно. Ни больше, ни меньше. Дисциплина. В этом мире дисциплина важнее силы.

— Расскажи мне про север, — спросил он, когда Лира закончила проверять своё оружие и села напротив него. — Что ты там ищешь?

Лира долго молчала. Ее пальцы рассеянно поглаживали приклад арбалета.

«Брат, — наконец сказала она. — Мой младший брат. Его звали Руфус. Он был искателем, как и я. Три года назад его группа отправилась на север в поисках реликвий. Они нашли нечто большое. Что-то, связанное с Древними. Они сообщили об этом Гильдии и продолжили раскопки. А потом связь прервалась. Гильдия объявила их мертвыми. Но я в это не верю». Она посмотрела на Майрона. «Я знаю, что он жив. Так же, как ты знаешь, что твоя Лиза жива».

Мирон кивнул. Он понял. Не логически. А интуицией. Той самой интуицией, которая позволяла ему чувствовать скрытую динамику в компаниях, в людях, в мирах.

«Мы их найдем, — сказал он. — Оба».

Лира криво усмехнулась.

— Вы говорите так, будто знаете будущее.

«Нет. Я просто анализирую вероятности. Два участника поисковой операции, пропавшие без вести в одном и том же районе, с разницей в несколько лет. Это не совпадение. Это закономерность. Что-то здесь есть. Что-то, что скрывает людей».

— Или пожирает.

«Или спрятать их», — повторил Майрон. «Если бы они хотели их убить, они бы нашли тела. Вы сами сказали: Гильдия не проводила расследования. Они просто перекрыли маршрут. Поэтому в их интересах, чтобы эта территория считалась мертвой».

Лира прищурилась.

— Думаешь, Гильдия об этом знает?

«Думаю, Гильдия многого не знает, но не об этом говорит. Как и Аурата. Как и те, кто много говорит. Каждый играет в свою игру. А мы с тобой всего лишь пешки. Но пешка может стать королевой».

Лира улыбнулась. На этот раз не криво, а почти тепло.

«Ты странный, Мирон. Ты говоришь вещи, которые я не понимаю, но почему-то мне хочется в них верить».

— Потому что я их не выдумываю. Я их вижу.

Они встали и продолжили свой путь.

К вечеру Пепельная дорога закончилась. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась равнина, покрытая короткой, грубой, бурой травой. А за равниной, на горизонте, вырисовывались горы. Не черные и не янтарные. Белые. Настоящие, заснеженные горы.

Холодные горы.

«Там нет пара, — тихо сказала Лира. — Там нет «Аргоса». Мы будем там одни».

Мирон смотрел на заснеженные вершины. Где-то там, в этой тишине, Лиза ждала. Руфус ждал. Ждал ответа.

И где-то там находилась лаборатория Казакова. Машина, способная открыть дверь в ваш дом. Или закрыть её навсегда.

«Это не страшно, — сказал он. — Я привык быть один».

Лира не ответила. Но на мгновение ее рука коснулась его плеча. Легко, почти невесомо. А затем она шагнула вперед, и он последовал за ней.

Глава 14. Ночевка в низинах

На равнину быстро опустилась ночь. Янтарное небо поблекло, сменившись глубокой фиолетовой тьмой, усеянной незнакомыми созвездиями. Майрон смотрел на звезды, пытаясь найти что-нибудь знакомое. Большая Медведица? Орион? Нет. Это было чужое небо. Чужая галактика. Или чужое измерение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.